

ЦИКЛ МИМЕСИС
НАЧАТКИ КРЭЯ

The illustration depicts a young man with dark hair, looking off to the side with a thoughtful expression. He is wearing a long, teal-colored coat over a dark red turtleneck sweater and a yellow and orange striped scarf. He stands on a rocky, desolate landscape under a vibrant, multi-colored sky with shades of blue, purple, and orange. In the background, another figure is visible walking away on a similar path.

ЧЕРНУХИН ЛЕВ

Лев Чернухин

Начатки Крэя

<https://litres.ru/74020914>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга - приключения по разным мирам.

Долгое время Крэй - путешественник в Параллелях - собирался написать мемуары, описать Миры, в которых побывал ненароком.

Иногда ненадолго, порой длительное время.

Их не счесть, но самые запоминающиеся моменты в итоге дошли до нас.

Содержание

0 - Пролог. Авантюрист	4
1 - Вторая Родина	34
2 - Губительная Топь	56
3 - Блуждающие Огни	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Начатки Крэя

0 - Пролог. Авантюрист

— Эй, поторапливайся!

— Еще немного, Гарри...

— Я сказал живее, Бычары явятся — и нам каюк!

— Хочешь сам?

Чумазый парнишка в кепке, из под которой проглядывались немые волосы, отбросил в сторону массивный замок амбара.

— В следующий раз уступлю!

Трое парней под покровом ночи в колышущемся свете факелов, шмыгнули в неказистую деревянную постройку посреди каменного городка Кведлинбург.

— Я по левому краю, Гарри — дальний угол, Аб — правые полки.

Беспризорники разбежались, отлаженными привычными действиями сгребая еду с полок в мешки. На размышления и отбор деликатесов времени не было. Бычары (как обзывала полицейских вся местная шпана) в самом деле обходили окрестности в течение многих часов в поисках очередных правонарушителей, готовых на все, лишь бы урвать кусок хлеба. А голодающих на Гассенах ныне упаднического

поселения — хоть отбавляй.

Городок Кведлинбург, расположенный на склоне живописного холма в Саксонии, был одним из её самых красивых и уютных мест. Был, ключевое слово... Его узкие улочки, утопающие в зелени виноградников и садов, вели к множеству достопримечательностей, которые привлекали путешников со всей Европы.

Одним из самых примечательных мест Кведлинбурга считался монастырь Святого Михаила, который славился своими красивыми фресками и росписями, а также церковью Святой Анны, в которой день ото дня звучала знаменитая органная музыка.

Жизнь в Кведлинбурге текла спокойно и размеренно. Жители города занимались ремеслом, земледелием и скотоводством. Они жили в каменных домах с красивыми фасадами, украшенными резьбой и ковкой. Вечерами собирались в тавернах, чтобы обсудить последние новости и отведать домашнее пиво.

Уникальные местные жаргонизмы в Кведлинбурге отличались от других городов. Жители использовали множество выражений, непонятных прибывшим извне. Например, они называли свои улицы «гассен», а крепость на холме — «бург». Использовали также множество слов из диалекта нижненемецкого языка, распространенного в тех местах.

В целом, Кведлинбург был местом, где сочетались красота природы и архитектуры, спокойствие и уют. Это была на-

стоящая жемчужина Саксонии. Была...

К сожалению, городок не избежал ужасов, принесенных средневековой чумой. Узкие улочки, раньше наполненные зеваками, стали пустыми и мрачными. Жители города, раньше занимавшиеся своими делами и наслаждавшиеся дарами жизни, теперь жили в страхе и ужасе.

Дети-счастливики, которых не поразила зараза, оставшись без родителей, кинутые на произвол судьбы, никому ненужные, пытались выжить всеми возможными способами. Их называли отребьем, гнилыми плодами, издевались и могли даже прибить, лишь бы не принесли болезнь в дом. Что еще оставалось делать таким юнцам, кроме как обносить склады с припасами?

Не обошла участь страданий и Монастырь Святого Михаила, превратившийся из центра духовной жизни города в место смерти и страдания. Монахи, которые раньше служили Богу и помогали бедным, теперь боролись за свои жизни и сражались со страшной болезнью. Монастырь забросили, обходили стороной, боялись подцепить чуму, унесшую многие жизни в том месте... А безнадежные детишки обустроили себе там жилище. Прятаться от Бычар и недружелюбных соседей в таком месте — показалось идеальным планом, неприступной крепостью, защищающей от самых страшных атак извне. По крайней мере, в детском воображении.

Дети улиц всегда одиноки. Друзья — приходят и уходят навечно. Единственная отдушина — воображение. Погружа-

ясь в него в самые страшные моменты своей жизни, представляя себе другой мир и жизнь, а также происходящее вокруг — становилось чуточку, но легче. При этом шкеты понимали, что фантазии нереальны, и это лишь защитный механизм от жестокой реальности кругом.

Что и говорить, если даже Церковь Святой Анны, где раньше наслаждались приятной органной музыкой, стала местом паники и отчаяния. Жители города собирались в церкви, чтобы молиться за свои жизни и надеяться на спасение, и там же многие и заканчивали свой путь. Но двери пристанища Божьего никогда не закрывались ни для кого, в отличие от заброшенного Монастыря.

Улицы города, украшенные красивыми фасадами, теперь оставались пустыми. Жители города, которые раньше собирались в тавернах, чтобы обсудить последние новости и попробовать местное пиво, теперь боялись за свои жизни и избегали любых сборищ. Местные словечки и жаргонизмы, которые раньше считались уникальными и интересными, теперь звучали как проклятия и угрозы...

Кведлинбург, который являлся раньше жемчужиной Саксонии, стал местом страдания и смерти. Чума со временем поутихла, но осадок остался до сих пор... Отголоски горя и память по убийственной болезни надолго осели в памяти многих поколений.

Но даже после столь темных времен городок сохранил свой уникальный характер и привлекал к себе внимание лю-

дей. Тянуло их, словно магнитом. Всем хотелось проникнуться историей и почтить память тех, кто погиб в этих ужасных временах.

Сочетание несочетаемого. Смерть и жизнь. Зачем стремиться к опасности и приезжать в Кведлинбург, где за углом поджидал с ножом одичалый бродяга, заражение и черт знает, что еще? Никто из местных не мог дать на это ответа. У большинства лишь одно желание — сбежать куда подальша. А для побега — нужны припасы. Как и для того, чтобы банально выжить.

И всего этого добра сполна находилось на складе близь рынка.

— Я всё!

— И я!

— Побежали.

Парни ринулись к выходу, откуда и забрались обворовать чужое продовольствие.

— Мелкие крысы!

Огромная ошибка. Ошибка, которая могла стоить жизни. Воров разрешено законом казнить на месте... Дверь за собой мальчишки закрыть забыли — ведь столь желанна и близка лакомая еда, которую ждали остальные в Монастыре от их очереди вылазки.

Полицейский в облике, вызывающем уважение и доверие (но только не у наших бедолаг), стоял в дверном проеме. На голове - широкополая шляпа, украшенная знаком горо-

да. На плечах надета кожаная куртка с металлическими пуговицами, сверкающими в лунном свете. В руках — длинная трость, которую он использовал для контроля над порядком в городе. Ботинки изготовлены из прочной кожи и имели массивные подошвы для защиты от грязи и неровностей дорог. В целом, форма «Бычары» была не только функциональной, но и элегантной, что подчеркивало его авторитет и значимость в обществе...

Ребятам плевать на авторитет и элегантность. Оборванцы в истерзанном тряпье видели перед собой лишь разъяренного «Бычару», с залитыми от ярости глазами, готового проколоть своей тростью, словно рогами, каждого из них.

— Лови!

Самый мелкий из ребят кинул увесистый мешок в широкоплечего бородатого мужчину.

Не сговариваясь, воришки пробежали мимо озадаченного поимкой мешка, уронившего смертоносную трость блюстителя правопорядка.

— Благодарю за подарок!

Мальчик, что лишился награбленного, заграбастал в пустые руки трость, которая в длину почти с него ростом. Прямо в воздухе, еще на полпути ее полета к земле.

— Отребье, что б вас!

Избавившись от мешка, рефлекторно схваченным руками и закрывшим обзор, полицейский понял — мальцов и след простыл.

***

— Дай угадаю, Zio! Ты — тот самый паренек, который ловко надурил poliziotto и позволил всем избежать страшной участи? — губы Секунды посинели от холода, тело непроизвольно дрожало, и зубы стучали друг об дружку.

Мокрые богатые одежды на обеих сестрах и не думали высухать на солнце.

— Нет, вовсе нет. Я был тем, что отпирал замок. Мелким в нашем трио идиотов был Аб... Держите, укройтесь — просохнете быстрее, согреетесь, — я отстегнул два верхних слоя куртки, отделив от основы, и накинул на девочек, прижавшихся к доскам медбея.

— Почему ты совсем сухой? — Кварта выглядела не лучше сестры, глаза все красные, густые волосы спутались, пышное некогда платье ныне сильно облегалo юное тело и подчеркивало формы.

Девочка страдала от холода. Пока дельфины сопровождали нас, мои спутницы, загруженные своими мыслями, успели и поплакать, и обдумать уже более спокойно ситуацию и новую жизнь, с которой столкнулись. Что Кварта, что Секунда — обе измотаны. Дельфины именно сопровождали, а не везли всю дорогу на своем горбу. Все-таки эти приятные животные хоть и выносливы, но, даже сменяя друг друга, лишь держали на плаву. Плыть приходилось и нам самим большую часть пути. А молодым красавицам, выросшим в уютной деревушке в горах, такое оказалось не только в новинку, но и

сильно утруждающим.

— Мое одеяние готово к подобной ситуации. Грязь, холод, жара, болота, песок, вода... За годы приключений и Моргания пришлось поменять много стилей. Рубашки — рвались. Штаны — протирались, приходили в негодность. Плащи — тем более не подходили к активному образу жизни выживальщика.

— Так на вопрос и не ответил, Costoso! — Секунда вцепилась в ткань, которая начала согревать и высасывать влагу.

— Чаще всего приходилось импровизировать, искать новые местные балахоны и ткани, приспособленные к определенному миру получше... До Хууолу Ана. Развитый в технологическом плане мире. Там эту одежду, специально для меня разработанную, подарили ученые...

— Хууолу Ан? Какое красивое название. Сам придумал? — Кварте нравилось, что я исполняю данное обещание и рассказываю о своих приключениях. Заодно это замечательно отвлекало от гнетущей, хоть и дружелюбной к нам, обстановки плавучей тюрьмы.

— Конечно, как и все названия миров. Это на гавайском означает... — я запнулся, — Запомню, *bellezze*. Держать столько языков в голове сложновато, сам не пойму, как до сих пор получается. Местные полгода там, что немало по моим меркам (но и не рекорд), пребывание в продвинутом мире и дружба с местными, как видите, принесли свои плоды. Они надо мной ставили опыты, пытались понять, что я за

зверь такой...

— Ужас какой! — Кварта заслонила ладошкой рот, вообразив себе нечто неприятное.

— Не волнуйся, это не больно. Наука ушла в том мире далеко вперед от прокалывания иглами и пиявок, — забавно, девочки же правда не понимали очевидных вещей.

Как и я, попадая во многие новые миры впервые... И не понимаю до сих пор.

— Попытаюсь вкратце пояснить, чтобы возникало меньше вопросов, и мы оказались примерно на одном уровне удивления в будущем.

Одежда на мне — полимер. Специальный материал, приспособляющийся к внешней среде. Своего рода чудо, как ваша трава в таверне, вам так будет проще.

Я, как и вы — не буду понимать всего, что происходит вокруг. Я далеко не гений. Начитан - да. Еще довелось общаться с умными людьми, почерпнуть знания, перенять опыт от более грамотных. Всё. Ответов на все вопросы дать не смогу.

Я не спаситель миров, не герой, хоть пару раз и помогал в беде людям. Как и любой другой нормальный, адекватный добрый человек. Мне к ладану не сдалась эта сила с перемещениями, и за все года, что уж и седина в бороду начала потихоньку бить — надоело.

Примите факт — есть другие миры, есть другие населенные планеты в каких-то мирах, есть непостижимые техноло-

гии, есть необъяснимые явления, есть непохожие ни на что существа, есть...

— Zio... В твоей бороде нет седины, — Кварта вкрадчиво рассматривала мое лицо.

— Si, sorella! Крэй, ты... Изменился, — на лице Секунды было не меньше удивления.

— В каком это смысле, что вы имеете ввиду? — мне стало не по себе.

— Ты... — Секунда пыталась подобрать слова.

— Посмотри! — Кварта схватила со столика у койки черное зеркальце.

В отражении я увидел... себя. Это я, ничего не поменялось. Нос не отрос, клюва не появилось. В мутанта не превратился, глаза... Глаза изменились. Они стали ярче. Насыщеннее. Живее... Моложе. Редкие морщины сгладились, черты лица менее грубы, чем обычно. И борода, отрошенная от безысходности и усталости находить место для бритья каждый раз... Из нее ушла вся седина. Светлый цвет волос на голове заместил собой тускнеющую грязную копоть.

Руки. Я взглянул на свои руки. Шрамы ушли. На левой ладони, где красовался шрам от рассечения при падении на забор с колючей проволокой при одном из перемещений — исчез. А это было лет пятнадцать назад... Или больше? Как давно я попал в военный лагерь, где меня приняли за новобранца и выдрессировали, как сидорову козу, в течении долгого года... Двух? Почему-то именно тогда я не Моргнул за

столь длительное время ни разу...

Голову начало колоть. Мозг усердно пытался стереть информацию о прошлом. Провалы в памяти, один за одним... Но нет. Я помнил все. И ранение от пули, след на правом плече. Сейчас заглянул под одежду — его нет. Как и следа от укуса твари из Скорсфила, и памятной татуировки из Джой-Сана...

Встал. Невысоко попрыгал на месте, присел, растянулся. Сустав в ноге, болевший с детства — прошел. Осталась лишь фантомная боль. Физически понимаю — ни один прыжок более не составит труда, не потребует стимуляции мышц Полимером, не будет осечки, только если мозг не скажет стоп... Сломанные некогда в нескольких местах ребра — словно всегда были крепкими и не вызывали никаких потуг и отголосков травмы. Все тело — словно переродилось. Я снова молод. Здоров и свеж. Что за Пьернайн тебя подери?!

— Семь колечек с небольшими Vuoto Nero, говоришь? Обычно на омоложение нужно добра побольше, чем я накопила... — Секунда потянулась к своему ожерелью. — Che cazzo?!

Ни одного черного камешка в кольцах не осталось. Все нажитое ею за долгие годы — исчезло, побрякушки висели абсолютно пустые на толстой цепочке.

Кварта начала осматривать свои браслетики и кольца на руках... Испарились.

Я полез во внутренний карман за своими.

— Zio, что за дела? Я понимаю — у всех бы все исчезло, но... Это так не работает!

Во всех моих семи кольцах инкрустированные мелкие камешки так и остались поблескивать черной пустотой.

— Что ж, между мирами тоже, как мне доводилось узнать, не перемещался пока никто, кроме меня. Все в этой жизни бывает впервые, верно?

— Будем считать, что мы тебе подарок сделали! Теперь — с тебя подарок! — с яркой мимикой пролепетала Кварта.

— Договорились... — я удивился не меньше девочек и даже не скрывал этого.

— Только соразмерная благодарность должна быть — за похорошевшее тело и прекрасных спутниц в твою компанию! — Секунда приняла позитивный настрой сестры.

Как бы молодые девушки... хотя — как молодые... Теперь я, кажется, их ровесник...

Как бы девушки не пытались вести себя весело и непринужденно, я понимал все. Горький долгий опыт и тяжелую жизнь не обновить никаким помолодевшим телом. По глазам вижу — девушки кричали глубоко в душе. От ужаса, от печали, от растерянности. Лишенные в одночасье всей семьи, оказавшиеся с почти незнакомым мужчиной посреди инородного климата, не понимающие местного языка.

Впрочем, тут я с ними в одной лодке. Напоминающий английский, но какой-то искореженный — язык команды корабля, а тем более диалект заключенных, мне не сильно ясен.

Урывками, знакомыми фразами... Благо, капитан — благоприятный человек, увидя двух дам и молодого парня в беде, без лишних слов отправил нас в медицинский отсек, оставив вопросы на потом. Говорят, дельфины плохих людей не спасают. Надо полагать, морское поверье одинаково во всех мирах.

— Девушки, я понимаю ваши чувства. Правда, можете не скрывать эмоций.

— О чем ты, Zio? — Кварта забежала взглядом, отводя его в сторону.

— Вы обе хотели путешествий, обе хотели неизведанного... Секунда, как оказывается, еще и встретиться с необычными людьми, уехать со мной из города...

— И что с того? — Секунда тоже понимала, куда я клоню. Не хотелось сознаваться самой себе, но это необходимо.

— На ваших глазах исчез неизвестно куда брат. А следом исчезли и вы, чуть не утонули, чудом уцелев в неадекватно загрязненной океанской воде. Вам холодно. Одиноко. Страшно. Вам хочется заплакать и убежать обратно... Но обратно дороги нет, — у девушек выступили слезы.

Кварта попыталась прикрыть глаза куском ткани, что я ей дал, но и так ясно все, даже не глядя в ее глубокие глаза.

— Я был на вашем месте. Давным-давно. Очень давно. И моложе вас двоекратно... Сколько тебе лет, Кварта?

— Семнадцать, восемнадцать на той неделе будет... — я слышал, как Кварта плакала.

Это хорошо. Слезы помогут, эмоциям надо выйти наружу.

— Троекратно младше тебя, Кварта. В шесть лет я уже потерял все. Отца, мать. Когда мы отпирали злосчастный амбар в поисках крошки хлеба — мне было двенадцать. И тогда я потерял все во второй раз. Мне хотелось умереть и прекратить все эти страдания. Я вас прекрасно понимаю.

Секунда, шмыгая носом, кинулась мне на плечи, обнимая и рыдая. Кварта присоединилась к сестре.

— Знаю, девушки. Это не приободряет, но это реальность. Вы, как и я — потеряны в этом мире. В этих мирах. Как только вы признаете это, вам станет легче. И успокою вас, у вас есть то, чего никогда не было у меня. Я рядом. Я помогу. Я защищу и не дам вас в обиду. Все будет хорошо.

В чем я лично сомневался. Совсем не уверен, что в следующий раз Моргну — и девушки унесутся следом за мной, а не останутся посреди океана в плавучей тюрьме. Но надеялся, что этого не произойдет. Всем сердцем желал и надеялся.

— Все хорошо, не волнуйтесь. Согрелись?

— S-si... Grazie, Крэй! — вновь одновременно сказали девушки.

Я продолжил их согревать.

— Рассказать, как я впервые переместился?

— Давай... — Кварта улыбнулась сквозь слезы и немного воспрянула духом. Притулив еще мокрую голову на мое плечо, уставилась в огонек лампы. Секунда продолжала плакать в другое плечо, но утвердительно кивнула головой, при-

тихнув.

— Что ж... Тогда не помогла ни хитрость, ни ловкость, ни опыт. Мне двенадцать лет. Это я помню сейчас отчетливо...

***

Зимнее солнце ласково играло на снегу, поблескивающем и еще не тронутым человеческой ступней за короткое наступившее утро.

Спустя годы древний немецкий городок приходил в себя от обуревавших его ранее бедствий. Зимний Кведлинбург — это удивительно красивый город, погруженный в сказочную атмосферу Саксонского холодного волшебства. Снежные покровы украшают каждую улицу и дом, создавая неповторимое ощущение уюта и тепла.

В центре города возвышается старинный, уже незапамятно кем возведенный замок, который выглядит еще более величественно в зимнее время года. Окруженный сугробами снега, он притягивает к себе взгляды зевак-прохожих.

Вокруг замка расположены уютные домики и красивые здания, которые также украшены гирляндами и украшениями, возвещающими наступающий праздник. Уличные торговцы, укутанные в толстые одежды, уже на посту. Им не холодно, погода здесь не суровая. Воздух наполнен запахом глинтвейна и шоколада, которые можно купить на каждом углу.

В парках и скверах, и на центральной площади города

проходят различные выступления по ночам, которые привлекают множество гостей и жителей города. Сейчас же подиумы пустовали, а артисты валялись в укромных постелях охмеленные, крепко спя.

Зимний Кведлинбург — это настоящий рай для любителей зимы и праздника Сильвестрова Дня. Город погружает в свою атмосферу и заставляет забыть о повседневных заботах, подарив незабываемые впечатления и эмоции.

А шайке беспризорных Монахов (как дети себя прозвали, в честь убежища Монастыря) позволяет прилично обогатиться на зазевавшихся гуляках.

— Благородные дамы, учтивые господа! Подходите, не пропустите! Сегодня — привезенный из далеких стран, уникальный товар! Особые свойства, магия у вас под носом, не проходите мимо!

— Почём барахло, сынок?

Дедушка в мехах с любопытством рассматривал перстень с зеленым стеклышком.

— Два золотых за эту прелесть, господин! Если возьмете в к нему еще два экземпляра любых, сделаю скидку и отдам все за четыре!

— Не дороговато, малец, за обычную безделушку?

— Нет, господин, что Вы! Это же необыкновенные украшения. Данный перстень, в Ваших руках — не что иное как Судьбоносное Кольцо Силы. Если не будете снимать его в течение месяца по ночам, преумножит вашу выносливость,

силу, и здоровье обогатится в десятикратном размере! Могу предложить к нему прекрасный браслет Скифов, выкованный друидом в пещере, в изоляции и темноте. Он впитал в себя солевые минералы и сгустки магической энергии Древних. Сам по себе — притягивает к себе доброжелательных дам, и делает из вас прекрасного собеседника. Вкупе с Перстнем — кто знает, чем Вас наградит судьба!

— А не богохульничаешь ты часом, парень?

— Что Вы, что Вы! Никаких языческих свойств, лишь посланные Богом дары, церковь одобрила и пропустила к продаже!

— Ох, хорошо... Красиво глаголишь, малой. Давай эти два... Третьим что посоветуешь?

— Вы носите крест, достопочтимый, верно? Чудесную серебряную цепочку из Иерусалима, первой пробы! Сверхъестественным не обладает, но окрещена высокими чинами церкви, а также поговаривают, что ей более тысячи лет и прежде ее носили крестоносцы, передавая из одного поколения другому. Утверждать, конечно, не берусь, но право слово, вещица прелестная, и считайте — в подарок отдаю!

— Договорились, забираю. Держи, парниш!

Старикан передал четыре кельнских золотых марки, которые уже давненько пригрел в руке, юноше, и довольный потопал дальше гулять по торговой площади.

— Как, прошло, Крэй?

Блондинистый паренек с кучерявыми волосами материа-

лизовался в воздухе за спиной торгующего мальчика в утепленной шапке и длинном меховом жилете.

— Прекрасно, Гарри. Четыре золотых, как нечего делать, за хламье со свалки за бесценок. А ты что урвал?

— Подрезал у него мешочек, пока ты еще затирал ему про друида и пещеры, мог дальше не распинаться.

— Прелестно, коллега, прелестно. Давайте оценим улов. Парни аккуратно, чтобы никто не видел любопытным жадным глазом, опустошили содержимое мешочка.

— Раз, два... Десять золотых и двадцать серебряных! Крэй потянул на пробу монетку к зубам.

— Дурак! Заразу хватануть удумал и челюсть сломать?

— А как же проверить на зубок...

— Байки это все, мелкий!

— Сам ты мелкий, я выше тебя на голову!

— А я старше на три года, так что поверь братцу.

— Да мы ж не родственники!

— Думаю, за эти годы разницы особой уж нет.

Для Крэя ее и правда не было. Лишь задели слова Гарри. Хотя он даже не обижался, так, детская независимость и упрямство говорили. Гарри это прекрасно знал и понимал. Их шайка Монахов и впрямь одна семья, с Крэйем водился почти с самого начала, с тех пор, как тот, лет шести, попал к ним, забредя укрыться от дождя в монастырь. За эти годы они потеряли немало «братьев» и «сестер». Кого унесла холера, кого словили Быки, кто ушел, повзрослев, нашел дом,

уехал путешествовать...

На данный момент в их семейке насчитывалось шестеро ребят. Аб — малый ростом, да удалый, семнадцатилетний. Две девочки — оставшаяся, как ушел Ли, за старшую Лизи и Барбел, хлопочущая по уюту и «дому». Уве, недавно попавший в шайку, до сих пор слабо подкован, но Крэй и Гарри взяли его под свое крыло и медленно обучали основам выживания, как когда-то обучали их до этого Ли и Аб.

— Так, ребят, я принес кое-что!

— Тише, Уве, тише. Не надо так кричать. Помни — тише воды, ниже травы!

Хоть Крэй с Уве и ровесники, но новичку еще предстоит много узнать об извилистой вольной жизни.

— Прости... Вот!

Уве достал из-за пазухи золотой крест с драгоценными камнями.

— Оу, неплохо, неплохо!

Старший братец похлопал одобрительно по плечу Уве.

— Только как на еду обменять? Не уверен, что примут торговцы реликвию, церковную-то...

— Не переживай, Крэй. Выковырять камешки, по отдельности выменять. А крест вернем в церковь, скажем, что нашли таким. Еще и отблагодарят, еды дадут наверняка, воды свежей, молока...

— Ты где такой нашел-то?

— В телеге проезжей хватанул!

— Прекрасно, неси домой и к нам возвращайся!

Остроносый Уве унесся по чистому хрустящему снегу в сторону Монастыря, оставляя за собой неглубокие следы.

***

— Дай-ка еще раз угадать попробую. За крест вас повязали и отправили в тюрьму, а там ты захотел убежать и скакнул в другой мир по желанию? — Секунда легла рядом со мной калачиком на койке, прижимая к себе колени и обнимая их.

— Или проводились магические обряды в замке, вдали от нищенских глаз, а вас сделали подопытными, и только ты уцелел, — Кварта тоже, притомившись, откинулась на мягкую перину.

Я продолжал сидеть, забравшись поглубже к стене и прислонившись к поскрипывающим доскам корабля спиной.

— Нет, carini. Все не так прозаично, — ухмыльнулся я.

Да, их вариант развития событий звучит интересно: он бы хоть немного прояснил ситуацию... Но нет.

***

— Подходите, подходите! Товары, никогда не виданные ранее!

Солнце уже начинало заходить, рабочий день подходил к концу. Уве удалось напрошайничать лишь пару серебряных за все это время, а Гарри подрезал еще пару кошель. Не более трех в день — железное правило. Иначе можно при-

влечь лишнее внимание к компании ребятишек. Да и этого хватало. Сегодняшний улов, вкупе с проданным Крэем мусором, тянул на месячное пропитание для всех. Самое оно к праздничному столу.

Аб, как самый опытный, ходил и сбавлял добытое по разным торгошам. Хлеб, шоколад, печенье, вяленое, и не только, мясо... Всего получилось в избытке.

Крест, чтобы не привлекать лишнего внимания к знакомым служителям лицам, поручили вернуть Уве. Что парнишка благополучно и сделал, с невинными глазами получив в качестве благодарности головку сыра и несколько бутылей свежего молока.

Все это Крэю доложил шныряющий туда-сюда Гарри. Деньги и драгоценности никогда не стоило держать при себе, лучше сразу иметь еду. Парни были счастливы, что тяжелая пора взлома амбаров и опасной кражи пропитания осталась в прошлом. Действовать безопаснее — гораздо приятнее и спокойнее.

— Что ж, пора собираться, думаю, на сегодня хватит.

— Крэй, будешь?

Гарри протянул горячий пирожок и стакан согревающего глинтвейна, купленный неподалеку.

— Спрашиваешь! Безусловно.

Покальывающий горло, но так приятно пахнущий напиток Крэй выпил в пару глотков. Надкушенный Гарри пирожок также ушел за милую душу.

— Давай еще возьмем по дороге обратно!

Крэй открыл глаза, закрывшиеся от удовольствия после тяжкого труда на холоде.

Гарри рядом не было. Не было и торгового барахла. Не было снега. Ничего знакомого вокруг не было. Лишь пустой стакан из под глинтвейна в руке.

***

— Вот так просто?! — Кварта аж в ладошки хлопнула.

— Да, так просто. Раз — и всё. Ни магов, ни наночастиц, ни инопланетян, ни чудовищ, ни угроз, ни монстров. Но радости от этого не прибавилось...

***

Мальчишка, укутанный в теплую одежду, начал сильно потеть. Сумерки резко сменились на слепящее солнце. Под ногами не хрустел снег. Более того, ноги наполовину ушли в песок. Крэй стоял, вкопанный в землю, на берегу тропического острова. Тропического... На тот момент невольный путешественник не знал такого слова. Не знал даже, как выглядит берег.

***

— И что, что дальше, Крэй? Как ты откопался, выжил?!

— Секунда оживленно внимала каждому слову.

— Хех, это самое забавное и грустное.

***

Первые секунды мальчик пытался прийти в себя. Резкая смена климата ударила в голову. Крэй и раньше пил глинт-

вейн, но этот классический для праздника легкий алкоголь никогда не производил такого эффекта. Обморок? Приступ? Что это? Беспризорник из Кведлинбурга не знал. Попытался зажмуриться и вновь открыть глаза в родном для себя месте. Спустя десять попыток паренек понял — бесполезно. А становилось все жарче и жарче.

Сняв с себя лишнюю одежду, раздевшись по пояс, начал откапывать ноги.

Не успев зачерпнуть песок пару раз, Крэй уже летел вниз головой в воздухе. Земля предательски виднелась где-то внизу. И становилась все ближе и ближе. Это мальчик понимал в блеклом круговороте своего полета, во время того, как взгляд успевал цепануть — где верх, а где низ. Зажмурившись изо всех сил, он молился Богу, лишь бы очнуться от страшного сна. Пролетел так минуту, задыхаясь, голову кружить перестало. Парень почувствовал, что упал. На нечто очень мягкое. Вовсе не больно. Весь импульс падения погасило нечто теплое и нежное.

Мальчик боялся открыть глаза. Еще больше он боялся их не открыть и оставаться в неведении. Взвешивая все за и против, спустя пару минут плавучего состояния в чем-то теплом и мягком, любопытство и страх перед неизвестностью победили.

Огромная, тянущаяся дальше, чем Крэй мог видеть, вата розового цвета несла его на себе. Именно несла. Мальчик словно плыл по течению реки. Розовой, плотной, ватной ре-

ки. Справа и слева виднелись растения красного и синего цвета. Надо головой летали птицы. Обычные птицы. Воробьи, вороны...

***

— Крэй, неужели тебя так и мотало дальше без остановок? — Кварта сказала это очень тихим голосом.

Видимо, только сейчас она поняла, как тяжело было тогда мне, двенадцатилетнему, оказаться в такой ситуации. Куда страшнее и опаснее, чем двум сестрам с опытным бойцом-авантюристом посреди океана.

— Не совсем, но тут ты уже близка к истине.

***

Нестись вниз по течению было... убаюкивающе. Спусти какое-то время, сначала пытавшийся бултыхаться и сопротивляться, маленький Крэй просто-напросто уснул. Он устал, ему одиноко, страшно. Но сейчас он находился хотя бы в комфорте, тепле и некой безопасности, не падая вниз головой к земле, не замурованный в песке на незнакомом берегу в палящую жару.

— Крэй, ты чего замечтался?

Гарри толкнул друга, смотря на него с удивленным видом.

Крэй открыл глаза — он вновь стоял в своей теплой одежде на торговой площади немецкого городка. Гарри улыбался, снег медленно падал.

И Крэй открыл глаза еще раз. Теперь он лежал на постели. В незнакомой ему комнате. Укутанный, с компрессом на лбу. Гарри оказался лишь мимолетным сном. Весельчак Гарри, упрямый и ловкий Аб, несносный Уве, прекрасные заботливые старшие сестры Барбел и Лизи — все они остались в прошлом навсегда. Больше он никогда их не видел, лишь во снах.

— Очнулся, бедняжка?

У кровати сидела миловидная бабушка в очках и вязаной шапочке, протирая тряпочкой вспотевшее лицо Крэя.

— Где я?

— Все хорошо, ты в безопасности, все в порядке, милый. Эй, Жень, иди сюда!

— Немчик очнулся?

Из-за угла вышел усатый мужчина в военном кителе. Не похожим на форму, которую знал Крэй. Фасон, пошив... Иное. Но то, что он военный — понятно мальчику сразу. Погоны, нашивки...

— Прекращай, мы тут все - немчики, забыл, что не в Советах уж?

— Забудешь тут, баб Лен. На немецком чай говорю с вами, не русском.

— Кончай паясничать, ребенка надо в чувства привести.

Крэй лежал молча и даже не пытался вырваться, убежать или задать лишний вопрос. В кровати, за двумя слоями одеял и пледов, мальчик чувствовал себя, как дома... И еще он

слаб. Все тело лихорадило.

— Парень, как звать тебя?

Усатый военный присел на край кровати и с суровым видом смотрел на Крэя, без капли жалости в глазах. Скорее, как на неизвестного врага, анализируя, размышляя, что с ним делать. Казнить или помиловать?

— Крэ... — мальчик закашлялся, — Крэй.

Настоящее свое имя парень оставил далеко позади и забыл про него. Имя, которое он придумал себе при встрече с Монахами, понравилось куда больше, чем данное родителями.

— Крэй, ты из Гитлерюгенд? Дойчес юнгфольк?

— Что? Дойчес что?

На лице парня красовались не только капли холодного пота, но и искреннее удивление.

Бывалый солдат не привык сразу верить на слово и продолжил допрос.

— Пимпфам ты? Отвечай!

Солдат прикрикнул, резко, дерзко. На детей нацистов в этом возрасте такое работало всегда, маленькие дети не выдерживали прессинга, особенно в стрессовых ситуациях, в коей Крэй и находился. Только солдату Евгению, прошедшему фронт, на чужбине, совсем близкому к победе над врагом, даже рядом не приходило в голову, насколько стресс мальчика Крэя велик. И почему.

— Я не знаю! Pümpflein? О чем вы?!

Вместе с влагой, исходящей из кожи, теперь появилась и влага соленая. Слезы непроизвольно потекли по щекам несчастного потерянного мальчика.

— Женя, прекрати, видишь же — он не нацист!

Хелена, урожденная немка, участвующая в Германском Сопротивлении все эти годы, добрая и познавшая жизнь женщина, сразу распознала в мальчике чистую душу. Евгений должен был убедиться до конца. После такой проверки любой мальчуган бы выдал все.

— Прости, парень. Обязательства.

Крэй плакал. Он не понимал, что происходит. Ему плохо, начинало тошнить.

— Неси таз, скорее!

Как раз вовремя, мальчика вырвало в принесенную Евгением бадью.

— Вот так, тише, тише милый.

— Воды, прошу...

Евгений открыл фляжку и поднес ко умоляющему в жажде рту Крэя. Жадно, ненасытно больной мальчик осушил ее до дна.

— Как тебя в лес занесло без рубахи, без шапки, скажи хоть? Причем в чашу такую глубокую. Если б наши случайно не наткнулись, поминай как звали... Прости еще раз, что накричал.

— Я... Я...

Крэй не знал, что ему ответить. Он и правда — не знал и

желал узнать ответы.

— Я не знаю. Я продавал безделушки, с братом выпил глинтвейну, заел пирожком...

— Так, продолжай малец, ну...

— В следующее мгновение — оказался закопан в песке на берегу, палило солнце... До этого зима, а затем вдруг лето...

Баба Лена и Евгений переглянулись. Солдат цокнул языком.

— Я разделся, было жарко. Затем вниз, лечу... Падаю. Кубарем валюсь вниз... Потом мягкая ватная розовая река, необычные деревья... И я уснул. И вот я здесь... Где я?

— Кведлинбург, Германия. Знакомо? Узнаешь название?

Солдат всерьез обеспокоился за мальчишку. Горячка и бред — недобрые знаки.

— Да, я здесь вырос...

— Родителей как зовут, где живут?

— Они... Умерли. Давно, от болезни. Я с братьями живу в монастыре...

— Понятно. Отлеживайся, мы за тобой присмотрим. Скоро будешь как новенький! Баба Лен, на минуту можно вас?

— Нет, милок, нельзя! Видишь — за парнем уход нужен. И так понимаю, без слов. Тише, тише родной, на, еще попей водички и отдыхай. Все будет хорошо...

***

Девочки по бокам лежали в тихом ужасе. Боясь перебить и задать лишний вопрос, они тяжело дышали. Уже сухие, уже

согретые. Но им неуютно и грустно. Они чувствовали всю ту боль, что испытал тогда я. Просидев в тишине пару минут, Кварта выдернула меня из раздумий о прошлом.

— Крэй, а что дальше? Ты опять переместился? Как ты так жил, это же...

— Ужасно? Да, это ужасно, отвратительно, страшно, мучительно. Но — я жил. И успокою — ребенком я так пропрыгал по кочкам не много. До следующего скачка прошло три с лихом года.

— Ты жил в Кведлинбурге все эти годы?

— Нет, в СССР, на Севере. Меня с собой увез Евгений в Териберку. Решил, что мне будет лучше под боком у выигравшей Войну страны, усыновил и обучаться отправил... Русский изучить за полгода, с ним общаясь - не так сложно. Сказал, у меня талант к языкам, — я улыбнулся.

И правда, талант, сейчас точно стало понятно.

— А дальше? — Секунда посмотрела на меня пронизывающим и грустным взглядом.

— А дальше...

В медбей зашел капитан корабля.

— *Êu êio estas en ordo?*

— *Ordo!* — ответил я.

Первое правило нового для себя языка — повтори последнюю фразу. Обычно вначале это всегда вопрос типа: «Все в порядке?». Надеюсь, я угадал и не нагрубил. Толстеный усатый капитан в годах очень вежлив, учтив, и в глазах чита-

ется забота. Как сказал мне в свое время, когда я еще вел счет годам, Евгений: «Ты хорош в двух вещах. Понимать языки, и понимать людей».

И я понимал: человек стоящий перед нами — хороший человек, не желавший зла.

Глава - Авантюрист. Из книги “Синкретизм” цикла Мимесис.

<https://author.today/reader/283242/3112438>

1 - Вторая Родина

— Разберите следующие рассуждения: а) «Книги являются источником познания и удовольствия; таблица логарифмов есть книга; следовательно, таблица логарифмов есть источник познания и удовольствия» Правильно ли это?..

Кирилл Васильевич в привычной ему манере диктовал резво и не давал времени обмозговать услышанное. Говорит — пиши. Повторений не будет. Строгий, порой даже грубый. Человек, прошедший войну, не сюсюкался с подростками. Мог и бранным словом покрыть не явившихся на нововведенный урок логики и психологии, порой и подзатыльник с любовью от всей широкой русской души отвесить не чурался.

Но учитель — крайне хороший.

Подглядывая в тетрадь соседа по парте, не поспевая за скорой русской речью, Крэй понял это уже в первый год в новой школе.

«Хороший-Плохой», «Свой-Чужой»... Понятия, весьма размытые для беспризорника Чумной Саксонии, воруящего еду, обирающего карманы, удирающего от Бычар по запутанным Гассенам Кведлинбурга...

С жаргонизмами его Мира ушли в небытие и подложки знакомых слов. В послевоенном СССР, в Териберке, куда

его по доброте привез с собой и усыновил офицер Евгений — символические «Хороший-Плохой» расслаивались еще сильнее.

Когда однополчане Евгения нашли умирающего полуголого ребенка в лесу Германии — Крэй вполне мог оказаться для них «Плохим». Частью Юнгфольк — детей с промытыми мозгами, нацистов, готовых умереть за свою идею. Но виноват ли ребенок, которому с детства внушали, что другой истины не существует? Можно ли считать неокрепший ум «Плохим», расстреливать на месте, брать в плен и судить, как всех?

Окажись Крэй не ребенком из чужой реальности, а юным солдатом врага... Кто-то в полку готов был придушить таких на месте. Но они и сами тогда не отличались бы от зверей, за такое Евгений собственноручно отправил бы под трибунал. Иные русские солдаты относились к таким детям неоднозначно. Если Крэй касался этой скользкой темы, солдаты отвечали, что отпустили бы ребенка или попытались перевоспитать...

Что сказали бы те ребята, побывав на месте их командующего Евгения?

Крэй понял так: наверное, есть до сих пор негласное табу на информацию о том, как десяти-пятнадцатилетние гитлерюгенд заживо сжигали в танках русских солдат, сбивали самолеты, расстреливали невооруженных пленных, и, наконец, уже после 9 мая 1945 года целились через снайперские

прицелы в праздновавших Победу фронтовиков.

Евгению «посчастливилось» вместе с подполковником союзнических войск Робертом Даниелем бок о бок освободить концентрационный лагерь Берген-Бельзен.

Услыхав хлопки выстрелов, оба побежали к ограде. Там стояли четверо. Молодые эсэсовцы. Скорее всего — Гитлерюгенд; выглядели очень юно. Двое из молодняка стреляли и по трупам, и по живым людям. Юноши старательно метили мужчинам и женщинам в промежность, чтобы причинить максимум боли. Двое других смотрели...

Не задумываясь, Роберт пристрелил троих из них, а четвертый, что находился на мушке у Евгения — убежал... Потому как русский офицер не смог нажать тогда на спусковой крючок, увидев слезы и трясущиеся руки парня. За что себя до сих пор и корит, и мучает, а также терзает вопросом — правильно ли поступил, когда посмотрел в глаза растерянному ребенку, немногим старше самого Крэя пять лет назад. Тот мальчуган во вражеской форме — явно не испытывал радости от происходящего.

Страх и печаль. В глазах мальчишки Евгений в долю секунды, инстинктивно взводя оружие, увидел их. Страх за свою жизнь, но не перед русским солдатом. Страх, что «старшие» и «товарищи» — убьют и его. Убьют за иные мысли. Иное отношение. Сострадание к человеческой жизни. Это была не его война. Пропаганда не подействовала. Он оказался в заложниках ситуации, вынужден делать все, что и дру-

гие. Поддакивать, кивать головой и кидать от сердца к солнцу руку. Или самому стать убитым в свои неполные двенадцать.

Считанные секунды зрительного контакта с Пимпфом, и Евгений все это понял. И опустил винтовку.

Что стало с тем «четвертым» — теперь уже вряд ли когда-нибудь будет установлено. Как сложилась судьба человека, кем стал и как прожил жизнь — неизвестно.

Евгений надеялся, каждый день глядя на Крэя, что поступил верно. Дети — не виноваты, что становятся инструментами в чужих отвратных руках. По крайней мере — не все. Кто-то все-таки предрасположен к насилию, желает хаоса, сеять смерть... Но как это распознать?

Кто «Хороший», а кто «Плохой»?

Евгений после окончания Войны, прикладываясь легонько вечерами к бутылке, частенько заводил философские беседы с приемным сыном.

«Стал бы я „Плохим“, убив неизвестного ребенка? Стал ли „Хорошим“ — отпустив его? Скольких я убил оболваненных, а сколько тех — у кого не было выбора? Плохой я человек, или Хороший?»

И ответы на эти вопросы помогал найти ставший для ветерана душевной опорой Крэй.

«Ты — „Хороший“. Тот, кто задается такими вопросами — „Хороший“ в любом случае. Для меня точно всегда будешь „Хорошим“. Плохой человек — кинул бы меня, там

где нашел. Перевалил бы на Немецкую старушку полудохлую обузу и слинял. Как тебе и предлагали многие. Сын полка... Ты тогда сказал, что это все прекрасно, но парню нужны не безликие отцы-братья, а один настоящий отец. Взвалил на себя огузка. Для меня — все просто. Ты — Хороший.»

Слова Крэя успокаивали. Страшные мысли об окровавленных бесчисленных трупах, грязи и боли — улетучивались. Благодаря приемному сыну фронтовик мог спокойно уснуть.

Спустя несколько лет, переехав с Крэем из захолустной Териберки в промышленный городок Мончегорск — Евгений стал меньше поднимать эту тему.

Но сам Крэй до сих пор так и не мог до конца придать правильное значение словам «Хороший» и «Плохой».

Мировая Война, которая для этого Мира являлась уже второй за короткий период, для него оставалась чуждой. Четкое понимание в голове осело одно — это ужасно. Плохие наслаждались насилием, Хорошие спасали людей. Большого для него не нужно. Всей истории паренек не понимал. Как и Мира вокруг — он был иным. Устои, обычаи, правила, вещи, одежда, механизмы — все другое.

Евгений не сразу поверил мальчику, посчитав его слова об ином Мире за бред от жара. Однако, наблюдая с каждым днем, что тот совершенно иных взглядов на жизнь, манер, поведения и памятных деталей — начал понимать. Ребенок

может многое выдумать, замещая мрак войны фантазией, потерять память... Но настолько исторически верные факты и подробную жизнь, с честными глазами, без доли сомнения — вообразить невозможно. Евгений в принципе многое понимал по глазам и привык доверять тому, что считывал с зеркала души... Потому все больше располагался к парню, тренировал и укреплял физически, обучал языку, рассказывал про современную жизнь, как что устроено, историю...

Крэй же в школе поначалу было крайне тяжело и без уроков истории. Особенно учитывая способ его обучения русскому — из разговоров солдат, поучений Евгения, из речей учителей, повторяющих материал на немецком в первое время.

На удивление — все тридцать детей в классе вели себя «Хорошо». Не было злых и задир. Никто не унижал, не притеснял за то, что он «Немчик», что не от мира сего (буквально), с трудом находит общий язык, чаще помалкивает и обучается с буксировкой русскому. Напротив — помогали, объясняли непонятное. Никому, по совету Евгения, свою историю про другой Мир Крэй не рассказывал. Его неосведомленность принимали за отрешенность немецкого паренька-сироты, жившего на улице. Это и в самом деле недалеко от правды.

Но то — в школе. А вне ее стен сегодня вечером Крэй поджидали ребята совсем иного склада ума. Именно из-за Кеши Крэй никак не мог сосредоточиться на задании и думал про

«Хороших и Плохих».

— Сдаем работы.

Неминуемая рука учителя дотянулась и до его листка, не давая лишней секунды. Что успел — то успел. А успел списать Крэй у соседа немного, больше утопал в своих думках.

— Кирилл Васильевич, можно минутку?

— Не думай, что к тебе особое отношение за то, что ты мой тезка. Все, контрольная окончена. Всегда милости прошу потом — приходи, доучивай.

— Но...

— Никаких «но», Кирилл! Дисциплина новая — не страшно, если ошибешься. Вас, поверь, тут таких полкласса. Беги гуляй, свободен!

— Спасибо, Кирилл Васильевич... До свидания.

Только учитель звал Крэя по официальному русскому имени. Все близкие так и обращались к нему «Крэй». Так ему куда комфортнее. Ну, почти все...

— Кир, правда собрался с ними пойти? — поджидая на выходе из школы, спросил Антоха.

— А почему нет? Ребята предложили... — Крэй и сам сомневался в своем решении.

— Знаю, что они тебе «предложили»! Не повод в авантюры с гопниками вляпываться...

— Да я по жизни — авантюрист. Не впервой, знаешь ли.

— Не боишься?

— Не, если что — всегда убежать успею.

Не открывать же общительному другу, что прежде юный гость из другого Мира воровал и мошенничал, каждый день рискуя быть пойманным в ту эпоху, когда могли и палкой забить, не церемонясь. «Сходить на встречу» в подозрительный кабачок в качестве «боевой силы»... Пустяк.

— Кеша хоть сказал, зачем? — перепрыгивая майские лужи, Антоха продолжал свой допрос.

— Кешу не знаешь, что ли?

— Потому и спрашиваю...

— Там какого-то заезжего служаку обрабатывают. Хочет вроде женить на сестре... Сказал, консервов, сахара, леденцов даст.

— Веришь?

— Почему бы и нет? Вместо школы он не просто так по улицам околачивается.

— По улицам и с людьми сомнительными...

— Потому и верю, что запасы при нем.

— Ну, смотри... Если что, ноги в руки...

— Это как?

— Черт, ты столько лет живешь в СССР и не слышал выражения?

— Слышал, но так и не понял...

— Ооо, сейчас!

Антоха, любитель экспромта, театрально встал на подвернувшуюся так удачно скамейку и задекларировал, маша руками:

*Коль опасность, драки, муки,
Слушай умных ты речей:
Бери-ка, Кир, ты ноги в руки!
Катись оттуда поскорей!*

В довершении — Антоха отвесил размашистый поклон.

— Аплодисменты где?

— Хех, хорошо, заслужил, — засмеявшись, захолопал Крэй. — Русский язык — сложный. С кучей смыслов и фразеологизмов.

— Но красивый же?!

— Бесспорно!

Город населяли как порядочные люди, так и болтающиеся без благих намерений шулера, гопники и другие недоброжелательные личности. После Войны часть подросшей безотцовщины превратилась в распущенное хулиганье, которого боялись девчонки и обходили стороной мальчишки.

Жизнь мончегорская была хороша. Но не слишком сытна.

В маленькой Териберке соседи, торговые работники, иногда угощали вкусной булкой. Пристроиться с книжкой к теплой печке после школы, с припасенной булочкой в придачу — красота!

Еще Крэй мог лакомиться рыбой, благодаря рыбоперерабатывающему заводу и рыбакам, выносящим ребятне спу-

таннные тюки сетей после удачного заплыва. Грязные, в водорослях и застрявшей рыбе — сети нуждались в очистке. Детвора с радостью мчалась «отвивать» застрявшую мойву и насаживать новые крючки. Ведь за это платили вкусной рыбой. И даже деньгами! Немного, но все-таки...

После переезда в Мончегорск поесть необычного-эдакого получалось, лишь якшаясь с ушлой шпаной типа Кешки.

Нет, сам Крэй не был обделен едой. Евгений замечательно справлялся с задачей их обеспечения. А вот соседи за стенкой, одинокая мать и трое худеньких детей, ходили вечно голодными. Одна работница на всю семью зарабатывать наравне со здоровым мужчиной не в состоянии. Возила воду в бочках на санях с водокачки, хваталась за любую мелкую работу, но с трудом кормила четыре рта.

Евгений всегда учил помогать, отзываться на нужду, потому естественным стало делиться с соседями едой... Побаловать же лакомствами малышню удавалось не часто.

А потому не только для себя, но и на радость голодающей детворе, раз за разом Крэй принимал предложения Кешки.

Другой мир, другие правила, другая страна, другое время. А голод никуда не делся. Неужто он вечен? На тот момент подростку казалось, что да. Только впоследствии, пройдя сквозь бурю невзгод и множество Миров, узнает — голод не самое страшное.

Как русский народ смог пережить все невзгоды, выпавшие на его долю? Одно дело — смерть от Чумы в его Мире: идет

за тобой по пятам без злого умысла и не зависит от тебя. Другое — тысячи нелюдей, рыщущих повсюду с одной целью — истребление. Непредсказуемый, яростный, неугомонный фактор человеческой угрозы — куда страшнее, чем простая болезнь.

«Видимо, каждое время приносит свои невзгоды. И каждый считает на своем веку, что хуже еще не бывало,» — к такому выводу пришел мальчик.

А посему — побродить с Кешкой взамен на угощение, побыть на побегушках, без криминала и опаски — для Крэй нехлопотно. Сахар — неописуемо вкусная штука! Особенно, когда его нет постоянно.

Настенные часы дома над кроватью показывали 22:55, до назначенной встречи у кабачка «Север» оставалось, по прикидкам молодого авантюриста, минут двадцать. В самый раз для неспешной ночной прогулки по чуть сумеречному городу.

Перекинув через плечо сумку, подаренную Евгением на «второй день рождения» — день попадания в этот Мир, паренек выбежал на улицу.

Полярный день — к нему Крэй привык, но не переставал поражаться и наслаждаться. Никаких потемок летом, гуляй — не хочу! Единственный минус - здесь гораздо холоднее Кведлинбурга. Выше нуля температура в наиболее теплые майские деньки не сильно прогрелась. Не говоря уж о бе-

лой ночи.

Крэй поправил ворот, надвинул теплую кепку и двинулся в путь.

Пальтишки входили в моду, но Крэя устраивала поношенная Евгением курточка с контрастной кокеткой и несколькими карманами. Имен в русском языке у этой вещицы было множество. «Хулиганки», как их ласково прозвали в народе, в Ленинграде называли «москвичками», а в Москве «ленинградками». А еще они назывались "бобочками". В нижнем-немецком у Крэя все было строго, по полочкам. В русском - иначе. Русские всегда желали разнообразия. Такие укороченные курточки с молнией на груди, выпускались советскими швейниками в нескольких вариантах, а те, кому не досталось готовое изделие, носили импровизации, сшитые дома из старых вещей. Крэй донашивал именно такую. Сам Евгений обновил свой гардероб до особого шика в виде короткой спортивного покроя куртки на молнии, с накладными карманами на груди.

Отца до сих пор не было, а значит, до утра и не вернется. Не в первый раз под выходной. Вполне вероятно, заседал в том же кабачке, куда направлялся Крэй по важному делу. Да и Евгений не удивился бы, завидев там сына — парень взрослый, под лето, вне школы, волен развлекаться, как хочет и с кем хочет. Выговоры давно остались в прошлом.

А дело и впрямь «очень важное». Бдить и создавать «атмосферу немчуры», как заявил ему Кеша, чтобы произвести

впечатление на какого-то служивого парня, старше них на пару-тройку лет.

Изначально приближенный к природе, душевный Мончегорск возвели у реки «Монча» (по-саамски «красивый», «тундра», «горный массив») на северном склоне горного массива Мончетундра, на берегу живописных озёр Имандра и Лумболка. После Войны город интенсивно разрастался и благоустраивался: асфальтировались дороги, создавались скверы и детские площадки, высаживались деревья. Расширялся комбинат «Североникель», не предвещавший природе вокруг ничего хорошего, хоть и строились очистные сооружения...

Крэю здесь очень нравилось. Нравилась каждая деталь, какой бы простецкой и неказистой она не казалась остальным. Дышалось, по сравнению с его Первой Родиной, Средневековой Германией, свежо и спокойно. Без смрада и зловония вокруг.

Величественные округлые горы, возвышающиеся на горизонте, придавали городку особую привлекательность и загадочность. Уют и умиротворение. Легкость и свобода рядом с цивилизацией.

Кабачок «Север» — местечко, подобающее городку. Миленькое скромное двухэтажное здание почти в центре города привлекало местных и приезжих из тех, кто мог себе позволить потратиться лишний раз.

Народу под закрытие — не густо. Звучит из патефона

«Темная Ночь» в исполнение Марка Бернеса... Своя, родная.

По слухам, местная интеллигенция жадно слушала, а потом так же жадно шепотом обсуждала заграничную радиоволну «Голос Америки». Иная музыка, чтение книг, не издававшихся в СССР...

Из интереса порой дома Крэй ловил передачу на редкий радиоприемник, неведь откуда добытый Евгением. И из-за чего весь этот сыр-бор — не понимал.

Своя, чужая, неправильная... Да какая разница! Америка? Другой Континент? Ранее, в Мире Крэя, для него не существовало ничего, кроме маленького Кведлинбурга, а такого чуда техники, издающего немислимые симфонии и звуки — не было и в помине. Уличные музыканты — редкость. А о настоящих больших концертах в Средние Века сирота, переживший Черную Смерть, и мечтать не мог, ибо не знал, что такие существуют в принципе.

«Вторая Родина», как назвал для себя этот мир Крэй, преподнесла невероятные открытия. В первую очередь — медицина, гигиена, наука, улучшение жизненного строя. Все вокруг жаловались на сложную послевоенную жизнь, но... Мальчика все устраивало. Он больше не спал на неудобной скамье в Монастыре, познал чудеса электричества, быстрого транспорта...

Книги. Неимоверное количество захватывающих книг. Как только Евгений научил читать по-русски — Крэй начал засиживаться с книгами ночи напролет под тусклым светом

фонаря.

Столько приключений, столько историй, столько... Информации.

Из книг он понял: в какую примерно эпоху жил раньше; как люди изменились за несколько веков; какие открытия совершили; сколько существует континентов, стран, планет, звезд...

И уже который год к ряду Крэй думал: почему — он? Как ему посчастливилось вырваться из Старого грязного, хоть и родного, но гнусного Мира, в более гостеприимный, теперь столь же родной, Новый Мир?

Слишком много парень отвлекался. Постоянно. Не из-за недостатка умений, соображалки или знаний оценки в школе выходили не очень. Мысли сумбурно летали, то и дело уходили в далекие странствия, мешая сосредоточиться на том, что происходило прямо сейчас.

Кешка и двое неказистых прихвостней-пацанов сидели за столиком и «вели деликатный разговор» со складным младшим лейтенантом в форме. Крэй стоял позади слаженной банды и «буравил и давил взглядом», как велел Кешка.

Выцепил Кешка лейтенанта на рынке и зазвал в местный кабачок «подружиться поближе». Служивый, поначалу обрадовавшись новому знакомству, теперь почуял неладное. Долгий, навязанный Кешкой разговор о сватовстве уже начинал его бесить.

— Повторю еще раз, я с твоей сестрой один раз под ручку

прошелся, с хрена ль мне жениться на ней?

— Да породнимсе, почто ж ты, братишка!

— И нахрена?

— Да почто ж ты все «Нахрена», да «Хрена». С сеструхой сблизисьсе!

— Ты на ухо глуховат или башкой одаренный? — допив залпом остаток Дюшеса из граненого стакана, «жених» громко поставил его на стол и поднялся, собравшись уходить.

— Да сядь ты, почто ты все злишьсе!

— Да пошел ты... — парень стремительно направился к выходу.

— Да почто ж такой дерзкий! — Кешка побежал следом, подмигнув Крэйю в дверях и качнув головой в сторону двери.

Двое смеющихся, уже разминающих кулаки ребят тоже встали и, ухмыляясь, двинулись за ними.

Только сейчас Крэй понял — цель у Кешки вовсе не выдать сестры замуж и обретение солидного свояка.

Гоп-стоп. Банальный и такой низкий... Кешка собирался ободрать заезжего до нитки. Тем или иным образом. И сейчас начиналась стадия «инога» способа.

Крэй оторопел.

Не подписывался он под такое. Уже больше трех лет честный и обычный образ жизни. Без поборств, махинаций, обмана...

Да и в родном Мире, где это являлось средством выживания — никогда не участвовал в грабеже. А в нападениях,

разбоях, побоях — тем более.

До драки дело могло дойти, лишь бы отбиться от бычары или таких подонков... как Кеша. Чтобы в итоге Крэя самого, с ножом в бочине, не скинули к куче трупов для сжигания.

Высокого, крепкого Крэя, накачанного от тренировок Евгения, тварь Кешка позвал, чтобы точно не отхватить от матерого офицера! Учитывая, что у того наверняка и оружие имеется... Трех точно не достаточно.

Крэй опять замешкал. Опять ушел в свои мысли. Опять медлил.

В кабаке остался он один, патефон фонил, а с улицы уже доносились крики.

Мгновение — и гопник поневоле выбежал наружу.

Один из шпаны стоял на коленях с разбитым носом и сто-нал, пытаясь остановить кровь.

Второй шкет лежал без сознания.

Сам Кешка в ободранной одежде, сидя на сопротивляющемся из последних сил бедолаге, наносил тяжелые удары по лицу.

Сколько же Крэй находился в прострации? Неужто бой прошел столь быстро и без него?

— Кира, да почто ж встал столпнем, а ну похренач заразу, и драпаем!

Нет. Хреначить Крэй не станет. Точнее станет, но настоящую заразу.

Разбежавшись, с ноги, приемный сын этого Мира всадил со всей дури увесистым кирзачом с металлическим подноском по наглой роже выродка.

Тот, не ожидая такого удара, взвыл. Кусочки, а то и целые зубы в ту сумеречную белую ночь разлетелись по асфальту с характерным постукиванием.

Кешка присоединился к мирному сну шкета неподалеку. Тот, что с кровавым носом, пустился наутек, только его и видели.

— Вставай, — Крэй подал руку бедняге и помог подняться.

— Спа-си-бо... — еле проговорил молодой служивый.

Лицо все в ссадинах, бровь рассечена, губа разбита... На парне и живого места нет.

— Меня Крэй звать, ты как?

— Бывало и лучше, — офицер сплюнул кровь, — но жить буду. Я — Петр.

— Пойдем, нужно тебя к врачу...

— Не, хрен с ним. Тут за углом живет барышня одна, к ней завалюсь, там оклемаюсь.

— Уверен?

— Сама обещалась принять, если что. Вот и посмотрим!
Красивая, зараза, такая...

— Ты и сам сейчас красавчик, хоть куда. Самое оно к девушкам на поклон являться.

— Хрен с ним, подсоби доковылять, тут метров сто от си-

лы.

— Давненько у нас? Как столько приятных знакомых успел завести-то тут?

— Месяц... Успел, как видишь. Одни лучше, другие как оказалось...

— Хреновые?

— Хреновые. Ты сам чьих будешь, местный, да?

— Ага... Можно и так сказать. Тут живу, до этого Териберка.

— А Войну где провел, как ты сам, родные живы?

Крэй помолчал и обдумал, что же ответить...

— Мертвы. От болезни скончались...

— Ясно, все мы кого-то теряли. А Войну-то, Войну?

— В Германии...

— Партизан? Эх, ну даешь... Я вот в деревне сидел, по хозяйству хлопотал, братья воевали, отец... Вернулись не все. Было семь братьев нас, а стало...

Петр посмурил. Крэй не желал, чтобы новый знакомый вешал нос, особенно когда из него текла ручейком кровь.

— Слушай, не партизанил я... Если правду расскажу, которая будет звучать глупо, за психа не примешь?

Петр лишь отмахнулся рукой и засмеялся.

— У меня очень интересная история, но ей ни с кем, кроме приемного отца и поделиться-то не мог, не поверит никто.

— Да говори ты уже скорее, не тяни. Пришли уже почти.

— Я пришел... Точнее провалился сюда, в этот Мир из

другого. Из другого времени... Может даже Мир тот же, но...

— Погоди, прямо вот так взял — и из другого? — Петя засмеялся.

— Да...

— А хорошо, спас же меня, хрен ли не верить! — Петя явно принял все за веселую шутку.

— Черный Мор в истории помнишь? Вот оттуда я, примерно. Родителей не помню. С беспризорниками под крышей Монастыря жил, лет с шести, наверное...

— Ооо, приятель! Псих! Да, какой там... Верно подметил — приятных знакомых я заводить явно умею.

— Да, уж...

— Так как в наши края-то занесло, о «Странник Меж Мирами Крэй»?

— Продавал безделушки... И оказался. Вот...

— Стоял на месте, а потом — посреди боевого фронта?

— Нет, по дороге еще пару Миров пролетел вроде.

— И какие они?

— Розовый был, с мягкой рекой-ватой. Другой с песком, пальмами... Еще в воздухе помотало. Не забудешь такое.

— Так здесь-то ты как очутился, выкладывай!

— В бреду, лихорадке нашли зимой русские солдаты в Германии, уже после Победы. Выходил меня Евгений, с собой забрал, усыновил, вырастил. Вот год четвертый, наверное, к ряду мотаюсь с ним, как карта ляжет.

— И?

— Что — и?

— Больше по Мирам не перемещался?

— Не доводилось... Да и не очень охото. Мне тут хорошо.

— У нас всем хорошо. Разве может быть иначе, когда люди хорошие?

Петр потер рваную грязную рубашку, улыбнулся и сплюнул пошедшую вновь из губы кровь.

Крэй засмеялся.

— Это уж точно.

— Пришли! Тут живет моя суженая-ряженая. Женюсь, если не пошлет, точно...

Петр постучался в окошко неказистого здания.

— Как звать ее?

— Люся. Сейчас познакомлю...

Побитый лейтенант глядел в изумлении на опустевшее место. Юноша, что был только что рядом с ним — исчез. Испарился.

— Неужто... — только и смог выдавить растерянно Петр.

Дверь отворилась.

— Петя?! Что с тобой?!

— Люсь, тут это...

— Все, заходи!

— Парень исчез, тут стоял...

— Какой еще парень?

— Меня привел, спас и в другой Мир, очевидно, ушел, я только моргнуть успел...

— Ого! Не слабо приложили тебя... все, успокойся...

Дверь барака захлопнулась.

А Крэй, возможно навсегда, покинул свою Вторую Родину.

Формуляр:

Возраст: Приблизительно 12-18 лет

Временной Период: между 1946-1950 годами

Классификация Мира: Основа

Параллель: Вторая Родина

Мируклад: Послекризисный

Язык: Многоязычие. Немецкий, Русский — преобладающие во время пребывания.

Страна: ГДР, СССР

Города: Кведлинбург, Териберка, Мончегорск

Разумное Население: Люди

Примечание автора:

Спасибо моей Бабушке Люсе за подробный рассказ о своей жизни после ВОВ, истории знакомства с дедушкой. Спасибо Дедушке Пете за прекрасное детство, воспитание и заботу. Спасибо обоим — за всё.

2 - Губительная Топь

Твердая почва ушла из под ног юноши. Упрямо и упорно вязкая холодная структура постепенно окутывала темно зеленой тиной ноги... Крэй машинально предпринял попытку сдвинуться с опасного места. Вырваться получилось, но не так, как он себе представлял.

Движения стали тягучими, неуклюжими. Тяжелыми.

В воздухе чувствовалась горькая сера.

Тучи цвета вишни искрились вспышками молний.

Крэй сделал шаг. Еще один. И еще... Замер.

Всего трех шагов для крепкого парня оказалось достаточно, чтобы устать идти по вязкой грязи и глине. словно свежий невысохший цемент липла земля к подошвам кирзачей. Дыхание участилось, отчаянно не хватало кислорода.

Прорвавшийся сквозь ткань миров подросток огляделся.

Гнетущая смесь песчаной бледной пустыни и мрачного болота, извергающего сине-красные переливчатые пузырьки. Свет преломлялся, и пейзаж вокруг размывался в причудливую диковатую форму. Королевство кривых зеркал, не иначе. В таком пространстве — дезориентироваться и потерять вектор направления не составляло труда.

Проблема с ориентацией — полбеда.

Крэй начал утопать на месте. Нельзя было останавливать-

ся. Только движение спасало его от поглощения и погребения под грудой инородной массы.

Шаг. Опять шаг.

Каждый новый — давался с большим трудом.

Преодолевая усталость, сквозь дерущую боль мышц — Крэй шел вперед.

Шел. Шел. И шел.

С зудом по всему телу, с изнуренной нервной системой и отказывающимися от усталости ногами.

Крэй шел вперед.

Потому как — не оставалось ничего более.

Циклический вопрос, вертящийся у него в голове, был даже не о том, где он, как тут очутился, или как сбежать из этого недружелюбного мира дальше.

«Куда я иду?»

У единственного на всю обозримую округу живого существа из другого мира не намечалось ориентира. В дымке сливающихся земли и неба — не было цели. Не за что ухватиться глазу. Даже сфокусироваться на определенной горе или выступе — невозможно. Горизонт — чист. Никакой спасительной постройки, никаких камней или деревьев... А значит, никакой передышки и привала.

Крэй продолжал идти.

Мелкие песчинки врезались с порывами ветра в глаза, мешая видеть дорогу перед собой.

Прищурившись, Крэю показалось, что вдали появился

холмик. Скорее призрачное пятно, миражом манящее к себе. Взбодрившись, парень решил ускориться. Возможно, бежать будет проще, и он достигнет скорее этого... «Чего-то».

Решение стало чуть ли не роковой ошибкой.

Зыбучий песок вперемешку с булькающей слизистой поверхностью лишь начал с новой силой втягивать Крэя в недра неизведанной планеты. Потерянный в пространстве-времени парень упал.

В лицо неприветливо впечаталась студящая влага. Дышать стало невозможно.

Усилием Крэй оторвал голову от вязкой земли и жадно глотнул воздуха.

С потугами отжавшись, молодой горемыка вновь встал на ноги.

Фантомное «нечто» исчезло из виду. Песчаная буря застилала обзор все более густым маревом. С каждой секундой видимость падала.

«Идти. Идти и не останавливаться. Медленно, упорно и не спеша... К своей смерти?»

Крэй шел.

Мысли путались, но паниковать он не смел. Паника — первая ошибка при смертельной опасности. Крэй старался сохранить светлый разум и пытался зацепиться глазами хоть за какую-то спасительную соломинку... И продолжал свой упорный путь в никуда.

Мир вокруг будто находился в постоянном плавлении. В

зачатке своего формирования. Грязь текла бескрайней рекой вдаль, глина с песком будто кипели...

Крэй продолжал свой безнадежный поход.

Мгла сгущалась. Казалось, юноша уже ступает в пустоту. Собственные ноги различимы стали с трудом.

Русское выражение «не видишь дальше своего носа» для Крэя заиграло новыми внятыми красками.

Час. Два. Три... Четыре? Возможно, и гораздо меньше, но изнуряющая глиняная масса, пожирающая силы с каждым шагом — растягивала секунды до десятков минут.

Крэй, не смотря ни на что, фигурально и уже буквально — шел вперед. Иного пути к выживанию у одинокого путника не существовало.

Сколько времени брел он, прежде чем марь, окружившая со всех сторон, спала, а пейзаж начал хоть чуть-чуть приобретать иной вид, размыто рисуя возвышенность с зеленью и птицами, порхающими над спасительным островком среди губительных топей?

Сказать наверняка в однообразной болотной обстановке не представлялось возможным. С монотонным изматывающим ходом — не до счета про себя, солнца на хмуром небе не проявлялось, а часов у Крэя не завалилось.

Таких длительных прогулок без остановки парень в жизни точно не совершал.

Ветер хлестал лицо Крэя, заноса песок в горло.

Порывы стихии становились все мощнее, мощнее.

Шаги становились все тяжелее.

Из-за утепленной куртки, пот тек ручьем, хотя песчаная буря морозила нос, дыханием холода обжигала глаза.

Откашливаясь, сопротивляясь, Крэй шел вперед и не терял ни капли надежды.

Крэй шел.

Шел.

И наконец-то — дошел.

Практически вслепую, внезапно уткнувшись в каменный вал и прощупав его высохшими дрожащими пальцами, с облегчением выдохнул, присев на твердую незыблемую поверхность перед уходящим на метры вверх травянистым склоном. Это не помутнение рассудка и не обезвоживание играли с ним злую шутку. Все по-настоящему и осязаемо. Безысходность сменилась легкой надеждой: на возвышающемся над бескрайней пустынной поверхностью островке-оазисе была ключом жизнь.

Комары уже подлетали полакомиться кровушкой молодого парня, давящая тишина сменились на звуки животных, из почвы склона высунулась морда дикого грызуна, и зверек тут же вскочил пулей наверх, задевая хвостиком размашистую траву... Отгонять мелких насекомых, у Крэя не хватало ни сил, ни даже особого желания. Его будоражила простая логическая цепочка. Комары, звери, растения, а значит — тут есть питьевая вода и условная безопасность от пучины сли-

зистого песка.

Горочка перед ним, мягко сказать, не маленькая, но дорога Крэя теперь лежала лишь вверх. Из последних сил взобравшись по отвесному склону, цепляясь за высохшую траву и выступы на каменистых боках «оазиса», Крэй наконец-то мог по настоящему перевести дух. Плюхнувшись на душистую поляну фиолетовых цветов, юный странник раскинул руки и ноги в стороны, глядя на мягкие вишневые облака.

И лежал так с упоением минут десять, не меньше.

Буря утихла. Мгла расступилась.

Придя немного в себя, парень перекатился на живот и осмотрелся. Он находился на возвышенности над остальным окружающим лиственным пространством, по-видимому, взобравшись на высшую точку «оазиса» — идеальное место, чтобы разбить лагерь. Но сперва необходимо все-таки убедиться, что здесь безопасно.

Весь островок разрастался вокруг кристально чистого озера по центру. Хотя, скорее это было заросшее болото, но Крэй не сильно видел разницу. Особенно в мире, где природа не была тронута человеческим присутствием. Однажды на любознательный вопрос: «Можно ли пить, в случае чего, воду из болота?», Евгений рассказал байку про глубочайшие российские Васюганские болота.

— По сути — это вообще наверное самые огромные болота в мире. Далековато от Мончегорска, конечно, в Запад-

ной Сибири. Оби, Иртыша там... Туда, с год как, сослали грузин-лазов одних. Вот, товарищ с Войны недавно у них побывал, приезжал погостить, рассказывал, как пожил среди них с недельку. Воду из болота того — можно пить. В непосредственной близости от Васюганского болота живут, с ребенком вроде даже и никогда не опасались всей честной компанией пить воду из него, и не ощущали при этом дискомфорта и проблем со здоровьем. На всякий случай, в вылазке не рекомендовали товарищу кидаться сразу на любое болото, конечно, паразитов можно набраться, травануться, если люди рядом якшались, загрязняли, но если водичка чистая и нетронутая, как там... Цвет у нее напоминает заварку, говорил, в Васюганке, но ее пили, правда, предварительно цедили через платок. Конечно, у ссыльных альтернативы-то и нет.

У Крэя альтернатива также — не наблюдалась.

Сверху открывался впечатляющий вид, не столь пугающий, как поначалу, скорее, чарующий и привлекающий своей оторванностью от предыдущей реальности.

В болотной пустыне, где вода и песок смешались в одно целое, оказалось, живет множество уникальных существ. Не все было знакомо глазу юного Крэя. Но из книг, что читал в библиотеках СССР, смог опознать некоторую флору и фауну.

Даже с его высоты, на дне болотной воды прекрасно виднелись устрашающего вида неадекватно гигантские миксины. Съедобная «Рыба-ведьма», похожая на червяка или угря,

как будто ожившая из сказки. Если верить книгам — вкусная хищная тварь, которая пугает лишь своим видом... Ночная хищная тварь.

«Ночь? А в небе светло... Хотя и в Мончегорске летом белым-бело по несколько месяцев к ряду...» — Крэй опять отвлекся.

Даже сейчас, в ситуации полной опасности и царящей угрозы повсюду — мысли парня находились в беспорядочном хаосе. Крэй любовался дикой и необузданной природной красотой.

По глади воды, словно живые стрелы, быстро проплывали мимо водомерки, оставляя за собой следы в виде мерцающих водных капель.

Вдоль густых береговых зарослей медленно прогуливались от своей хатки выдры-ондатры. Эти мускулистые грызуны словно не замечали ничего вокруг, занимались своими делами. Такое ощущение, что они тут хозяева, и ничто им не страшно.

Прямо перед глазами, в полушаге от Крэя, прыгнула Мавританская жаба. Ее он узнал без осечек. С ярко-зелеными глазами, истошно издавая глухой булькающий звук, унеслась вдаль по болотным кустарникам, оставляя за собой звонкий треск. Взгляд зацепился на камне... Что-то быстро скрылось, прячась от жабы. Крэй успел разглядеть: среди камней скрываются скорпионы с ядовитыми жалами.

«Африканские земноводные, пустынные... Природа и жи-

вотные топей арктической тундры... Сочетание невозможное. Но оно перед мной...» — мир Крэя перевернулся, и догматы ломались.

Уже не впервые. Но паренек так отвык от этого чувства загадки. И в прошлый раз он был молодым пацаном, которому несложно было подстроиться. Сейчас в окрепшем, сложившемся, почти взрослом разуме нейроны ускоренно перерабатывали вновь поступающее обилие невероятной информации.

Если до сих пор теплилась мысль, что эти его «путешествия» не в «Иной» мир, а прошлое или же будущее, возможно перемещение физическое по уголкам планеты, при скачке во времени, то сейчас наблюдал то, чего в условиях знакомой Земли просто не могло существовать физически. Нет на планете мест с таким биомом. Не впервой, да, в моменты первого перемещения вокруг текла ватная розовая река — то Крэй списал на жар и бред, галлюцинации. В этот раз сомнений быть не могло, никаких иллюзий после многочасовой ходьбы по зыбучей глине. Мир — Иной. Совершенной Иной.

«Няша — болотная топь. Этот мир будет Няшей,» — Крэй наконец подобрал имя этому миру. — «Жидкое, вязкое и топкое, заполненное тиной и грязью, дно озера или морского побережья на севере Европейской части России и в Сибири — „Няша“, идеально подходит.»

Но не только животный мир удивлял Крэя в болоте-пу-

стыне.

Тростник и Камыш — живой стеной обрамляли берега болотной воды.

Бледно-розовый Чингиль, с его острыми листьями, прорастал среди песка, создавая миниатюрные зеленые оазисы среди безжизненной земли. Плаунок чешуелистный, словно живой ковер, покрывал поверхность болотной воды. Деревца-кустарники гребенщика, с рыже-алыми, белыми и фиолетовыми нежными лепестками цветов, привлекали внимание своей красотой. Красноватая Верблюжья колючка, словно защитник, стояла на берегу, защищая другие растения от животных и кажется — начинала плодоносить. Перекати-поле, с его маленькими светлыми цветочками, будто подпрыгивало по песку. Вечнозеленый Аир с длинными листьями на ветру словно помахивал ими Крэю. Поодаль — скромный нежный белый Багульник. Торфяной мох ластился зеленью. А Росянка, с ее красивыми цветками, улыбалась парню.

Не только мелкая травка да цветочки — образ оазиса среди пустыни подчеркивали и дополняли деревья, которые Крэй доселе видел лишь на картинках. Высокий Болотный кипарис, с его странными корнями, словно оживший, выступал из глубин болота.

Брусника, Голубика и Клюква, со своими манящими ягодами, совсем близко, так и просились в рот...

После «прогулки» по прохладной пустыне вымотанному и промерзшему путнику ужасно хотелось пить и есть для вос-

становления сил. Инстинкт самосохранения кричал, что не стоит в ином мире рисковать...

В походах с отцом по северному лесу парень обучался навыкам выживания от матерого офицера, прошедшего Войну, а также хорошо изучил, что есть можно, а что — нельзя, останавливала его лишь опаска неизведанного.

Крэй сорвал синюю ягоду, попробовал на вкус.

«Вроде, как обычная...»

Проглотил. Затем еще, и еще... Все было съедобно и безопасно. Ягоды — идентичны тем, из прежнего Мира, как и все окружение. Да — в чуждом сочетании, странном и непонятном, но... Все такое родное.

Чувство голода не ушло, а жажда продолжала докучать. Рядом слышен звук ручья, что ж — проблем с водой скорее всего не будет, даже обойдется без лакания из болота. Как Крэй мог судить по местным ночным животным — наступала ночь. Угроза нападения хищников и защита от холода становились все актуальнее.

Не время внутренней рефлексии от провала в другой мир, Крэй это прекрасно осознавал. Сейчас главное — выжить.

Огонь, еда, безопасный сон в защищенном месте. Главные задачи.

Юноша порылся в кожаной сумке, что так удачно переместилась вместе с ним из мира в мир. Крэй вечно забывал разобрать ее, и вещи залеживались надолго, даже если им давно пора было оказаться в другом, «положенном» месте.

Беспорядочность в мыслях отражался и на организованности парня. А потому он даже и не представлял полный перечень предметов внутри.

Там нашлись: несколько коробков спичек, швейцарский нож, сетчатая авоська, пара рабочих перчаток, книга-сборник сочинений Горького, газета, мелочь... Много хлама — который сейчас оказался как нельзя кстати.

И конечно, там лежали драгоценные, а сейчас тем более, консервы — сгущенка и тушенка, леденцы, сахар. Кешка хоть и тварь редкостная, но оплату за «услуги Крэя» по данному слову произвел заранее.

Немного всего, но как раз то, что нужно для выживания в дикой природе. Крэй, перекусив ягодами и утолив жажду из небольшого ручейка, протекающего неподалеку, умывшись от грязи, решил начать с разведения огня.

Драгоценную газетную бумагу было решено не использовать попусту, разве что чуть-чуть. Мелкого клочка будет достаточно для розжига, остальное пойдет на... на непредвиденные и вполне себе предвиденные нужды.

Побродив по округе, набрав достаточно сухих веток и листьев, бережно зажег спичку и аккуратно положил ее под заготовленную из хвороста небольшую пирамидку будущего костра. Едкий дым, быстро сгорающие листья... Вот уже и древесина потрескивала характерным звуком... Огонь медленно разгорался, Крэй добавлял все больше веток, пока не получилось достаточно крупное пламя.

Убедившись, что костер хорош и не потухнет, парень перешел к следующему шагу: приготовить сытной еды.

Консервы юнец приберег на экстренный случай, мало ли, прыжок в иной мир застанет врасплох, а там очередная пустошь.

Сумку с ценностями отныне Крэй старался не снимать. По крайней мере, пока мысль про внезапный «скачок» не вылетала из головы. А вылетала она частенько.

Сейчас пропитание можно добыть и в округе.

Еда не будет долго храниться, если вскрыть банки, поэтому парень решил для начала наловить рыбы.

Авоська прекрасно подходила в качестве сети... Закинешь, ждешь. Только нужна приманка.

Крей прошелся по берегу, обращая внимание на каждый камень и каждую ветку, пытаясь найти что-то подходящее.

Поковырявшись в мокрой земле и заглядывая под камни — добыл горстку червей и разместил их внутри авоськи. Для закрепления червей вместо крючков паренек взял верблюжьей колючку. К его большому сожалению, нейлоновой сетки или марли в сумке не оказалось, но, благо, и растений под рукой достаточно. Аккуратно насаживая червя, Крэй зафиксировал наживку между нитями авоськи. Что ж, черви на месте и будут привлекать рыбешку. Крэй с ребятней так много раз рыбачил холодным летом в укромной Териберке...

Сняв кирзачи и зайдя по колено в воду, он опустил авоську и застыл неподвижно в ожидании.

Холодно.

Сначала в сеть слетелась совсем мелкая рыбка, легко проплывавшая сквозь дырки авоськи... Крупные миксины, что ранее Крэй заметил своим острым глазом, тоже не заставили себя долго ждать. Парень почувствовал, как «рыба-ведьма» запуталась в сетке, учуяв наживу и не ожидая ловушки. Тотчас ловко и быстро затянул авоську с ужасно слизистыми рыбинами.

Отвратительными на вид и непривлекательными... Но судя по книгам — съедобными.

Поджарить на огне вполне представлялось возможным. Как бы сложно не было исхитриться в готовке на природе — мысль о возможности съесть рыбу сырой Крэй всяческий от себя отгонял.

Немалый улов. Оглушив уродливых тварей, парень отправился к намечающемуся лагерю.

По дороге, среди колючих и тернистых растений, Крэй подметил нечто, сулящее замену слизистому деликатесу. Крупные колпаки нор затвердевших, застывших земляных рыб, словно скульптуры из камня...

«Протоптеры!» — и это он в книгах про Африку читал...

Выходящие из спячки, пробивающие свои уникальные коконы-слизи Протоптеры, двоякодышащие создания, со светло-коричневыми и тёмными крапинками. Здешние существа может и деталями отличались от тех, что на картинах, но схожесть была на лицо.

«Их можно выкапывать, словно картошку!»

Сложная ловля рыбы — останется в прошлом. Сразу внушали оптимизм эти существа с необычайной способностью к перемещению по суше. Чуть присмотревшись, Крэй заметил, что некоторые уже пробудились и неуклюже ползли, используя плавники, как лапки, стремясь к водоему...

«Пробуждаются после многомесячной, а то и многолетней спячки в пустынях с первыми каплями дождя... Идет дождь?» — Крэй не чувствовал мелкой мороси, не ощущал ни взглядом, уже помутневшим, ни телом.

С него самого сходил пот после долгой изнурительной и душной пустынной дороги, разведения костра, а затем и добычи пищи.

Вывалив на подходящий плоский валун скользких миксин, Крэй отправился на охоту. Или рыбалку. Или скорее заниматься собирательством...

Дело не мудреное. Рыба сильно и сопротивляться не могла, знай себе дотягивайся до той, на которую глаз положил, хватай-забирай. В иную «белую ночь» (хотя, с учетом особенностей местного небосвода, уместнее «вишневую ночь») Крэю пришлось бы копать, искать... А тут — выбирай не хочу!

Не жадничая, Крэй отловил парочку небольших рыбин и посчитал, что на сегодня-завтра добычи хватит.

От мелкой чешуи прекрасно избавится швейцарским но-

жом.

Конечно, парню хватало и склизких тварей из болота-озера, чтобы наесться сполна... Но юношеский азарт и тяга по-пробовать все побудили Крэя отведать сразу два блюда.

Парадоксальная ситуация — парень ощущал дикий голод, очутился в опасных неизведанных землях в тотальном одиночестве, а его молодая душа все равно жаждала новых ощущений и приключений. Однако вокруг нет ни признаков цивилизации, ни подручных средств — только нетронутая природа и собственное желание справиться со сложностями и преодолеть вызов, кинутый первозданной дикой натурой.

Хотя у Крэя не имелось посуды и кухонных принадлежностей, он был преисполнен решимости и креативности, да и готовить умел. Конечно, чаще на природе этим занимался его приемный отец Евгений, но Крэй, хоть и вечно стоял на подхвате, улавливал все поучения.

А учил отец его много чему, постоянно держал в тонусе физически и интеллектуально...

«Сильное желание и решимость могут привести к чудесам, даже в самых непростых ситуациях,» — вечно повторял Евгений.

И сейчас, пока Крэй обходил местность в поисках съедобных, знакомых ему трав, ягод, овощей да орехов — всего, что сможет найти, до него начало доходить. Евгений, в отличие от него самого, каждый день жил с мыслью, что мальчик может вдруг испариться... И провалиться в иной мир.

Казалось бы, это Крэй должен переживать о такой вероятности, но мальчик быстро и думать забыл о перемещениях в пространстве и времени. Крэй вычеркнул саму мысль, что может еще раз исчезнуть куда-то в неизвестное, а все, чем он жил — останется навсегда в прошлом. Снова. Евгений же мог и вовсе не верить Крэю, с его рассказами о мрачной Саксонии тринадцатого века. Парень считал, что отец просто смирился с «выдумкой», да подыгрывает... Нет. Евгений четко все принял в итоге на веру. И заботился о сыне, готовил ко всему, что сможет пригодиться на случай... На данный, конкретный случай.

Крэй остался один. Ни семьи. Ни друзей. Ни людей. Никого.

Гарнир к ужину небогатый — горсть грибов, щавель, дикий лук и крапива. Такую зелень в Териберке многие ели по необходимости... А Крэй просто так — любил он этот терпкий кисло-сладкий вкус.

Сбрызнув соком ягод и завернув в крупные листья земляную рыбу, Крэй осторожно положил блюдо на раскалённый камень, заготовленный у края костра. Минут двадцать должно хватить...

Меж тем парень решил пожарить миксины.

Склизкие, неудобные...

Крэй с трудом проткнул ускользящую деликатесную еду смоченной палкой и поднес к огню.

Обжарка долго не должна затянуться, раз-два и готово.

Из интереса Крэй краешком языка попробовал слизь, оставшуюся в столь обильном количестве.

Мерзко, но питательно и вполне неплохо.

«Белок есть белок, не время жаловаться. Хорошо: с едой и водой проблем не предвидится. Вот о безопасности такого не скажешь...»

Крэй уставился задумчивым взглядом в беспечное пламя.

Мягкая и сочная рыбка на палке обрела необходимую корочку, стала притягательно шипеть — готово.

«Рыба как рыба, даже приятная,» — приятное похрустывание прекрасно дополнялось горьким луком. — «Мискины, трава, протоптеры, грибы да ягоды, а что дальше? Так и буду здесь выживать до старости в одиночестве, опасаясь неизвестных хищников?»

Сколько бы не отвлекал себя приключениями, суровая реальность никуда не исчезла. Парню стало непомерно грустно, накатило удручающее чувство тоски. Тоски по дому, по школе с логическими задачками, по булочке у печки, по возрастившему его отцу Евгению.

Золотистый свет от костра играл на лице парня, отражаясь и переливаясь во влажных каплях, выступавших по краешкам глаз.

Окончив ужин редким лакомством из протоптера, Крэй, откинув прочь гнетущие мысли, приступил к последнему, на сегодняшний день, делу. После столь долгого и физиче-

ски-затратного дня парня неуклонно тянуло в сон.

Пришла пора разбить лагерь и обезопасить ночёвку... Место относительно удобное, возвышенное, от диких животных барьер построить у огня — и можно ложиться спать.

Рабочие перчатки так кстати защитили руки от острых краев сучьев, которые он срезал ножиком, и неровностей камней, собранных в округе. Крэй построил вполне приемлемое подобие грубого шалаша из веток и листьев, чтобы создать крышу над головой. Юноша прекрасно знал, что сможет выжить в дикой природе, используя то, что есть в его сумке. Евгений — ветеран выживания: с разведротой солдат во времена Войны и не в таких условиях оказывался, и а ведь он обучил мальчика всему, что знал сам.

Вишневое небо пока не думало темнеть. Светло как днем.

«Парадокс- никоим образом яркий день не может длиться так долго, без малейшего смеркания.»

Одного шалаша — недостаточно. Периметр. Огородить пространство, максимально исключить возможность нападения. Для этого уже пошли в ход большие ветви деревьев, собранных ранее. На заточку кольев мелким ножом, Крэй затратил добрый час, не меньше. А солнце — все так и не село. В конце концов высокий забор вокруг лагеря красовался во всю свою статью. Пусть неказистый, наскоро сооруженный, но какой-никакой — забор.

Вещи требовали просушки. Мелкий дождь и правда шел всю дорогу и не думал кончаться. Крэй понял это только сей-

час, собираясь улечься на постель из высохшей у кострища травы, свежей листвы, мха, да газеты. Сняв мокрую, грязную и пропитавшуюся вонючим потом одежду, Крэй развесил ее на колышки вокруг лагеря.

«Сильный мерзкий запах — это хорошо. Может, отпугнет незваных хищников и послужит дополнительным оборонным барьером от животных?»

В этом до конца он не был уверен, но звучало разумно.

Парень также понимал, что надо как-то спрятать еду от зверья, ведь доел далеко не все, оставив запас и на завтра. Притащив большой камень и положив остатки на него, огородил кругом из ещё горячих углей и камней. Препграда невесть какая, но Крэй надеялся этого будет достаточно, чтобы сбить запах пищи.

Обезопасив, как мог, свой лагерь, он почувствовал себя намного более уверенным. Паренек знал, что выживет в этой дикой местности, только если будет осторожным и готовым к любым ситуациям.

Немного просохнув, прогревшись, Крэй подкинул несколько крупных бревен в искристое пламя с надеждой, что подкормки огню хватит до того, как он полностью выспится.

Веки слипались, тело еле шевелилось.

Природное ложе приняло Крэя в объятия. Путешественник-поневоле отключился мгновенно, даже при том, что мягким, тем более удобным, лежище никак назвать было

нельзя.

3 - Блуждающие Огни

В темных глубинах враждебного мира, где болотистые топи соседствуют с безжизненными пустынями, одинокий рукотворный шалаш с затухающим поблизости костром выделялся из общей картины нетронутого лона природы. В его тени, окруженной зыбкими трясынами и гулками песчаными дюнами, Крэй видел уже не первый сон.

И одна из грез Морфея — ужасно знакомая.

История прошлого, события которого проживались раз за разом, развиваясь в деталях и развилках выбора, последовательности — по иному. От сна к сну.

Нечасто, но и нередко. За всю жизнь - пяток таких, которые Крэй четко помнил и осознавал, что ему снилось. Не меньше десятка — обрывистыми пятнами, урывками, смутными видениями.

Начало всегда одинаково.

Мрачные улочки старого города. Родной Кведлинбург. Возможно... Крэй почти уверен. Все окутано плотным туманом, стелющимся от брусчатки до крыш. Угнетающая загробная тишина предвещает нечто злое. Люди ходят по улицам в масках, пытаясь защититься от страшной болезни — Чумы, которая охватила окрестности. Маски, маски, маски. Повсюду. Вместо лиц, куда не взгляни из тумана — вы-

ходят лишь маски. Они изрядно пугали малого Крэя.

Маски из кожи. Маски из ткани. Покрывали всю нижнюю часть лиц, словно мерзкая пасть преисподней. Высокий козырек опасно выпирал в сторону Крэя. Все для того, чтобы предотвратить контакты с заразой. Защита от Чада и Яда.

Крэю казалось, что Он — часть этой скверны. И что люди — избегали Его. Если во сне, за масками, все еще люди. Во сне Крэй сомневался во всем, даже в этом.

Маски, маски и снова маски. Везде.

Маски с обильным узором. Маски с изящной резьбой. Таинство, мистика... были в реальности. В прошлом. Страх и отчаяние — царили пред парнем во сне. Прямо сейчас. Он один, среди толпы, во тьме. В объятьях тумана.

Маски, маски. С обильной отделкой, с деталью металла. Бархатисто украшены. Маски. Всюду они.

С прозрачными шторками, с блеклыми стеклами — для глаз. Утолщенные и удлиненные в области носа — от воздушной инфекции.

Маски.

Крэй же — без маски.

Бельмо опаски в городе смрада. Ребенок, что остался один. Мама и Папа — давненько развеяны по ветру. Чумные Борцы в длинных одеяниях, полностью покрывающих тело, унесли их на площадь. В своих капюшонах, в тесно закрывающих голову масках, они их сожгли. В глазницах, прозрачных стеклянных — отражались огонь, черный дым и серый

пепел.

Крэй это видел. Крэй наблюдал.

И вот — он один. Бредет без цели, в туман. Прохожие его сторонятся. Расходятся, чураясь касаний. И Крэй их понимал. Город опустошен. Люди умирают один за другим. Тут и там, на главной дороге, в закоулках и тропах, множество страдальцев с нарывами крови на теле. Страдают, стонут, борются за свою жизнь. Но все они — бессильны перед мощью Чумы.

Крэй бездумно плутал, в глазах замерли образы горящих Мамы и Папы... Плоские лица, без глаз, без бровей, безо рта. Кляксы на холсте мыслей.

«Как их зовут? Где же мы жили?» — в этом сне, и даже в реальности, Крэй уже все позабыл. Слишком мелкий, слишком хрупкий, слишком ранимый. Далекое прошлое. Обрывки мозаики воспоминаний.

«Почему я не вернулся домой? Где мой дом?» — сон вечно повторял эту мысль, паранойей водил Крэя по нервной петле.

И дальше сон принимал формы.

То его избивали до полусмерти Бычары за украденную булку с корицей.

То сажали в карцер под стражу. Потом отпускали. И снова маски, маски, повторение по кругу событий...

То он бежал из города прочь. То стоял на мосту, задумчи-

во глядя в пучину реки, размышляя о Маме, о Папе, о жизни. Лиц вспомнить никак он не мог.

Двигался дальше. Спал и видел сон, внутри сна. И снова о масках, бесчисленных масках. Леденящий кошмар. Сон — без конца и начала.

И вот опять. Снова и вновь. Крэй видит этот колеблющийся душу морок.

Маски, маски...

Одна из Масок грубыми перчатками схватила Крэя. Прямо на глазах у всех остальных. Руки вылезли из мглы и силком потащили за собой.

Крэй кричал.

Крэй брыкался.

Крэй молил прохожих помочь.

Маски игнорировали. Никто не помешал. Никто не заступился. Всем все равно.

Цепкая хватка, впившись в мелкого мальчишку, притащила к горящему дому.

Это его дом объят красным пламенем. Дом Крэя. Дом Мамы и Папы. Их дом...

Поэтому Крэй не вернулся под знакомую крышу. Не ночевал в покоех, в тепле и уюте. Уже было попросту — некуда.

Карантин. Изоляция. Дезинфекция. Множество методов у Чумных Борцов. Один из которых - дома и постройки Прокраженных сжигались дотла. Все лишь в попытке предотвра-

тить распространение болезни.

И именно эта участь постигла и Крэя. Чумной Борец не вел его к дому. Не желал дать Крэю оплакать родных и обитель. Мальчугана ожидал, как сына Больных, лазарет. Или изгнание.

К несчастью — ни то ни другое.

Ударив парня в висок, похититель в темных одеждах и устрашающей маске донес Крэя, почти что в отрубе, до двухэтажного зеленого дома.

С торца Чумной Борец постучался об неприглядную стену.

Два раза отрывисто. Через паузу, три раза еще.

В монолитной стене, под личиною камня, отворилась двухметровая дверь.

Крэй отключился, но бесплотным фантомом последовал вглубь лабиринта туннелей за своим телом.

Суровая маска, казалось, часами, тащила парня в недра земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.